

18+

ДЕНИС РАМЗАЕВ

Первый полет в одиночестве



Денис Рамзаев

Первый полет в одиночестве

«Издательские решения»

Рамзаев Д.

Первый полет в одиночестве / Д. Рамзаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983164-4

Женщина, которая так и не вышла из ребра. Молодой боксер, не дочитавший «Каштанку». Эколог, собиравший информацию о коллегах по чекам. Герои рассказов начинающего писателя Дениса Рамзаева немного карикатурны, но при этом ярко иллюстрируют окружающий мир. Прожить насыщенную жизнь и найти в обыденном знакомые черты автор приглашает и своих читателей.

ISBN 978-5-44-983164-4

© Рамзаев Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
РАССКАЗЫ	7
ЦИКЛ «МИР КАК АССОЦИАЦИЯ»	7
ХОЛОДНАЯ ПЕСНЯ	7
МЕРКУРИЙ В МАТРОСКЕ	7
ДАВАЙ ПОТАНЦУЕМ	8
ДЕВУШКА В ЖЕЛТОМ ПЛАЩЕ	9
СМЕШНОЙ ЧУДАК	10
ЦИКЛ «НАШИ»	12
ДЕД КОЛЯ	12
МАМА НАДЯ	12
ПАПА ВИТЯ	13
ЦИКЛ «ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР»	15
ТАКСИ БЕЗ ШАНСОНА	15
НАРКОТИЧЕСКИЙ ЧЕК	16
БОКСЕР И «КАШТАНКА»	16
ПОЛКОВНИК ВАСИН	17
НЕТ СИГАРЕТ	18
ЦИКЛ «ЛЮДИ КАК...»	20
ЛЮДИ КАК НЕЛЮБИМЫЕ РАБОТЫ	20
ЛЮДИ КАК ПИВНЫЕ БУТЫЛКИ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Первый полет в одиночестве

Денис Рамзаев

Иллюстратор Дарья Сердюкова

© Денис Рамзаев, 2020

© Дарья Сердюкова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-3164-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние пять лет разные люди говорили: издай книгу. Я отшучивался и уходил от темы. Но в какой-то момент понял: жизнь слишком коротка, а многие дела нельзя откладывать на потом.

И я собрал мысли, за которые не стыдно, в одном месте.

Я посвящаю эту книгу маме, которая научила меня читать и писать. Отцу, который когда-нибудь ее прочтет. И Дари, без которой этот творческий рывок был бы невозможен.

РАССКАЗЫ

ЦИКЛ «МИР КАК АССОЦИАЦИЯ»

ХОЛОДНАЯ ПЕСНЯ

Радуюсь, когда вспоминаю о том, что делал первый раз. В этом парке я впервые поцеловался – исписанная ножом скамейка нам свидетель. Другую девушку я первый раз увидел в последнем вагоне метро, с книгой Эко в руках. И так далее.

Так же и с песнями: копаешься в ассоциациях, чтобы воссоздать в памяти первый раз, когда услышал эти звуки.

И вот звенит колесами поезд старой формации. Он увозит меня на Невский, может, и к невесте. Как водится, первая часть путешествия проходит в условиях пустыни: палит солнце, растут кактусы, разве что ковбоев маловато. Сквозь открытое окно почти не поступает воздух. Я завидую Карлсону, у которого летом не потеет спина, и мечтаю окунуться в ледяное море.

При приближении к северо-западу резко холодает. Я провожу ночь на нижней полке, закутавшись в два одеяла, и меня знобит, будто рядом покойница. Ветер дует прямо в голову: кажется, что уши вот-вот отвалятся. Я втыкаю в них плеер, где уже ждут скачанные 12 альбомов. Друг Антон составил список достойной музыки, а я поверил его вкусу. Среди джаза и прогрессивного рока вдруг затесался австралиец Gotye. Его еще мало кто знал, честно. И песня *Somebody that I used to know* зашла идеально.

А через неделю его уже слушала вся страна. Вот только что другие люди сделали для этого? За всех потел и мерз я.

МЕРКУРИЙ В МАТРОСКЕ

Ту дуэль за любимую женщину я вряд ли забуду. И не беда, что женщина была нарисованная. Зато противник настоящий. И кулак у него был с два моих. Кулачище. Антон занимался боксом.

Я же в то время занимался фантазированием и верил, что когда-нибудь наука научится превращать персонажей с экрана в осязаемых людей. Как в фильме «Звонок» – только без мистики и страшилок.

Мне очень хотелось материализовать воина в матроске, которой покровительствовал Меркурий. Ее звали Ами Мицуно. Ради нее я вставал в пять утра во время школьных каникул и включал свежую серию «Сейлормун» на канале «2*2». Признаться в таком подвиге было стыдно: во дворе считали, что это аниме – для девочек. До покемонов оставалось еще шесть лет.

Кулачища Антона сжались и приготовились к схватке. В битве один на один щупленький юноша не имел ни единого шанса, но у него были свои правила. Ах, молодой боксер, зачем же ты на них согласился.

Антон был сильный и большой. А значит, неповоротливый. И я предложил: кто быстрее залезет на гараж, тот и зовет Ами на свидание. Проигравший отказывается от любых претензий в ее отношении и находит себе новый объект для восхищения.

Гараж был не слишком высоким, в полтора этажа, с удобными ручками. Слишком удобными для такой проворной обезьянки, как я. Четыре с половиной секунды – и сверху мне

открылось растерянное лицо противника. Антон осознал – свой вес быстрее не поднять. На его лбу навечно закрепились первая морщина.

Видит бог, он пытался. Видели это и его секунданты. Но взобраться на крышу гаража Антон так и не смог. И в бессилии пнул металлическую дверь. Та ответила лязгом.

Вечер победы как в тумане: кажется, я написал рассказ, где главной героиней была девочка с темными глазами, короткой прической, второй группой крови и острым умом. В конце мы превращались в двух супергероев: она пускала мыльные пузыри, я – какие-то молнии. Мир оказался спасен – в том числе, и от моего одиночества.

Все это я вспомнил совершенно случайно, глядя в карие глаза девушки в полумраке. Ассоциативно представил ее в короткой юбке и с брошью на груди. С иронией подумал, что она была бы идеальной кандидатурой, чтобы в старости подать мне воду. А с пузырьками она будет или нет, не важно.

Обойдемся без мыльных опер.



ДАВАЙ ПОТАНЦУЕМ

Фраза «Давай потанцуем» долгое время вызывала у меня раздражение. Во-первых, танцевать я никогда не умел. Во-вторых, в голове оживали неприятные воспоминания о выпускном вечере. Тогда я, уже не школьник, но еще не студент, произнес ее несколько раз.

Фиаско.

Наш 11 «А» не был дружен, а я особенно не общался с одноклассниками. Исключение составлял худенький парень, которого постоянно обижали, а благородный рыцарь Денис пытался защитить. У нас совпадали интересы – футбол и нежелание выполнять домашние обя-

занности. Мы вместе бегали к киоску на железнодорожной станции за спортивными газетами, придумывали собственные игры с мячом и пустыми флаконами из-под шампуней.

Над этой дружбой открыто посмеивались, и у меня очень быстро сложилась репутация чудака. Девочки сторонились, парни в свой круг не пускали. Я не сильно переживал и завел новые знакомства на подготовительных курсах в университет.

Но вдруг выпускной. Танцы. Надо кого-то пригласить.

Мой робкий выбор пал на девочку, которая чаще всего давала списывать. У нее было доброе сердце и широкая улыбка. А также металлические нотки в голосе в момент отказа. Никаких танцев, парень, не для тебя цвету.

Была запущена цепная реакция. Я, худой и стеснительный, метался между другими девушками класса. И все отрицательно покачивали головами – устали, не хотели, обещали другому кавалеру.

Выпускной вечер без танца стал напоминать утро первого января, но без салатов и мандаринов. Чувствуя полное опустошение, я набрался смелости и подошел к девушке из параллельного класса. Ее фамилия (как сейчас помню) была Гармаш. Что-то промямлил. И уже развернулся, не надеясь на успех, как она сказала: окей, пойдем на танцпол.

Чудо. Во время песни я боялся дышать. Вечер был спасен.

Потом я несколько дней обижался на одноклассниц, а полузакрытый гештальт мучил даже после первого поцелуя во время вальса. Зудящее чувство непригодности на танцполе ушло только после записи в секцию, где меня научили держать центр всего тела и ритмично отбивать стопы под «ча-ча-раз».

Катя Гармаш, если ты меня читаешь, дай бог тебе здоровья.

ДЕВУШКА В ЖЕЛТОМ ПЛАЩЕ

Можете не верить, но однажды я нашел в сквере (под скамейкой) дневник с синей обложкой. Он был почти пуст. Запись аккуратным почерком заняла всего три страницы, и я немедленно принялся за чтение. Повествование тронуло: переживания автора были мне близки и понятны.

Привожу эту запись с сокращениями.

«Смешно, но она проклинала день, когда я взял в руки эту книгу. И все повторяла, что та приносит несчастья. Хотя несчастна была только она сама. Я же танцевал.

Помню, в моей сумке лежал только паспорт и томик Харуки Мураками – на случай, если очередь в коридоре военкомата покажется неприлично долгой. Роман назывался «Охота на овец». Кажется, я купил книгу из-за необычного названия, еще не подозревая, что сам превратился в овцу.

Врач начал охоту издалека, постепенно подводя к сути: молодец, что вел историю болезни с восьми лет, но диагноз старый, и его надо подтвердить. Вариант здесь только один – лечь на обследование в психиатрическую больницу. Ребята в неврологическом отделении хорошие, только своеобразные.

Шок».

(Запись прерывается)

«Ночью раздавались жуткие крики. Они просто не могли уснуть. Их не брали лекарства. Один невротик ходил по палате как лунатик, второй раскачивался на кровати, скрипя зубами и смеясь. А третий, самый спокойный, подсел на краешек моей кровати и стал выпытывать, в чем секрет успешной личной жизни. И зачем я проболтался, что у меня есть девушка...»

Такая обстановка давит. Нас кормят какими-то помоями, я заедаю бесцветную жижу огромным куском безвкусного хлеба, а выходить за периметр все еще нельзя. Я стараюсь писать рассказы и иногда пишу смс. Да, девушке. Она иногда приезжает. В ярком желтом плаще.

Разговор почему-то раз за разом не клеится. Зато к ее пальцам словно приклеены сигареты. Она курит их одну за одной и плачет. Говорит, что мне уже не дадут автомобильные права. Что будет трудно устроиться на хорошую работу и выехать за границу. И что я зря согласился на обследование. Лучше бы пошел служить.

Я расстраиваюсь, пытаюсь до нее достучаться, задействую аргументы, но потом сдаюсь и ухожу к себе. Уснуть не могу. Все кричат и просят советов».

(Запись снова прерывается)

«В книге действует человек-овца. Он все время подключает какие-то провода, связывает людей между собой и уходит. Кажется, нас он разъединил. На желтый цвет у меня появилась стойкая аллергия. Не люблю, когда в меня не верят. А еще – в будущее со мной».

(Часть текста пропущена)

«Человек-овца советовал танцевать в любой ситуации. Это лучше, чем бездействовать и падать духом. Я так и сказал – можно больше не приезжать. Тем более в таком ярком плаще. Здесь все серо и уныло, а меня скоро выпустят. И я пойду танцевать. В клуб, бар, на стадион – все равно. Она плакала и курила. Курила и плакала. А потом вдруг закричала, что виновата книга, внушившая мне какие-то сектантские мысли. Она развернулась и быстрыми шагами двинулась в сторону цивилизации. А я смотрел вслед и огорчился. Не тому, что она уходит.

Тому, что она ничего не поняла».

(Еще часть пропущена)

«Прошло время. Я много путешествую, работаю в приличной компании и даже получил права категории В. Но Мураками я с тех пор не читаю. Боюсь, что все сразу пойдет не так. Начнется война, и мной вновь заинтересуются в вооруженных силах.

Пожалуй, выкину-ка я и этот дневник. А тому, кто найдет, дам только один бесплатный совет. Не встречайтесь с девушками в желтых плащах».

СМЕШНОЙ ЧУДАК

Отношения с живописью у меня складывались тяжело. Работы художников до сознательного возраста я видел только в журналах «Мурзилка» и иногда – в передачах «Что? Где? Когда?». Сам рисовал скверно и без души. За меня пятерки по ИЗО собирали все остальные члены семьи.

В средних классах произошла замена: вместо рисования на образовательном поле появилось черчение. Недостаток пространственного мышления сказался немедленно. Я не мог чертить ровные линии в принципе: руки дрожали, а вместе с ними и линейка. Самооценка стремительно летела вниз, а глаза учительницы по черчению – в разные стороны. Косоглазие заставляло думать, что она всегда смотрит на меня. От этого сильно потела спина.

Уже работая журналистом, я брал интервью у одной художницы. Она рисовала грудью и остро реагировала на информационную повестку. Благодаря необычной технике на свет появился портрет Ди Каприо, впервые получившего «Оскар», и Нурмагомедова, ставшего чемпионом по смешанным единоборствам.

А я Чарли, смешной чудака.

Эти слова когда-то подобрала подруга. Она нарисовала меня в котелке, с тростью, забившимся в угол. Первая увидела меня настоящим. Как Чаплин, только с другими ужимками.

Рисунок простым черным карандашом. Самый дорогой портрет, что мне когда-то дарили.

Сначала я отрицал нарисованное. Разгневался на автора. Торговался сам с собой, что я лучше Чарли. Огорчился, что не лучше. Принял это.

А потом аккуратно выглянул из раковины. И оказалось, что снаружи тоже неплохо. Я стал больше доверять людям и меньше бояться трудных ситуаций.

Этот рисунок я храню до сих пор. Он переехал из Волгограда в Петербург и не оказался в рамке только потому, что Чарли с портрета не может встать без чужой помощи.

В реальности у Чарли все хорошо.

Школьные учителя, вы были правы. Рисование в жизни мне все-таки пригодилось.



ЦИКЛ «НАШИ»

ДЕД КОЛЯ

Дед был человеком, чьи взгляды на жизнь максимально отличались от моих. Даже странно, что нас разделяли не столетия, континенты и цивилизации, а мама и шахматная доска. Дед играл хорошо и периодически ставил мне мат. Поддаваться ребенку было не в его правилах. В 14 лет из уважения к деду я купил несколько книг для новичков, изучил все основные дебюты и занял второе место на школьном турнире. На этом моей шахматной карьере пришел конец.

Труд был смыслом его жизни. Папка с профессиональными грамотами деда выглядела пухлее, чем туловище синего кита. Руки знали плотницкое и столярное дело, но в сарае рядом с домом я так и не встретил ни одного Буратино. Жаль, что умения деда не передались по наследству. В подростковом возрасте я часто вспоминал песню группы «Пикник» и переживал, что не могу выстрогать подругу из коры.

Дед производил впечатление крепкого хозяйственника. Его боялись собаки и кошки – первые сидели на цепи и охраняли дом, а вторым позволялось заходить внутрь только во время холодов. В случае нарушения границы в хвостатых мигрантов немедленно летел тяжелый тапок. Защитить права животных не могла даже бабушка.

История их знакомства легко украсила бы сюжет современного сериала. Бабушка Нина проводила своего Петра на службу в другой город, и тот вернулся через пару лет. Но с прекрасной молодой женой Машей. Страдать и заламывать руки было не в характере Нины – она выросла в детском доме. Но заботу ценила, и младший брат Пети показался ей нужной кандидатурой. Молчаливый Коля мучился от обгоревшей на воинской службе спины. «Выхожу его сейчас – всю жизнь любить будет», – решила бабушка.

Просчиталась. Все годы брака дед Коля держал ее в ежовых рукавицах. Он никогда не дарил Нине цветов – все равно завтра завянут. На снимках того времени он выглядит суровее бородатого Льва Толстого.

Дед во многих вещах не видел смысла. Он смеялся, когда я придумывал футбольные турниры и двигал по полу вкладыши от жевательных резинок, представляя на их месте реальных спортсменов. Он крутил у виска, видя, что я вырезаю из газет анекдоты и пытаюсь запомнить фамилии актеров из программы передач. Он растопил печь коллекцией моих спортивных газет за несколько лет, приняв ее за простую макулатуру. Репортажные фотографии с черно-белых полос, которые уже не потрогать руками, сняты мне до сих пор.

В последние годы он стал плохо слышать. Но это неважно: мы не слышали друг друга всю жизнь и мало понимали. Недавно я заметил, что невольно перенял его вздох усталости, и с горечью подумал, что хорошо бы услышать игру деда на баяне или разгадать с ним пару кроссвордов. На худой конец, устроить партию в лото или карты, ради которых раньше в дом приходили еще молодые и живые родственники.

Наверно, в другой раз.

МАМА НАДЯ

Я часто ради забавы представлял, что вернулся домой пьяным и был застукан женой уже в прихожей.

- Посмотри на себя. Фу. На кого ты похож! – укоризненно бомбила та чувством вины.
- На маму, – стыдливо улыбался я.

Случай блеснуть остроумием в этом направлении так и не представился, но с мамой мы и правда похожи. Даже не столько внешне, сколько взглядами на жизнь. Оба «воздушные», верим в любовь. Немного смеемся над чудачествами людей.

Мама знала ко мне подход с раннего детства. Например, когда перед походом к врачу я начинал капризничать и упрямиться, она приводила аргумент, против которого не было защиты: «По пути мы обязательно спустимся в подземный переход».

Подземные переходы я любил чуть меньше футбола и точно больше школы. И вместе с тем тяжело переживал чрезмерную опеку. Мама запретила бегать на улице, пока не сделаны уроки, и наложила вето на просмотр «Терминатора», «Чужого» и даже «Охотников за привидениями». Считалось, что все эти «страшилки» могут расшатать мою нервную систему.

В результате я вырос нервным и замкнутым – потому что не мог поддержать большинство разговоров сверстников.

Пару раз по причине подросткового раздражения меня даже возили к чародею. Я закрывал глаза и дышал как насос при накачке велосипеда, а он тряс руками перед лицом и что-то бормотал. От испуга мне начинало казаться, что миром правит любовь. Чувство нездорового оптимизма быстро проходило на первом же уроке алгебры.

Мама была проницательна и всегда замечала следы присутствия девушек, тайно приводимых домой. Однажды я и вовсе забыл вытащить фотографию однокурсницы из альбома. Незнакомка сидела на диване в моей комнате, обнимала плюшевого медведя и улыбалась.

А мама смотрела на снимок и хмурилась. И потом сказала:

«Не води больше никого в квартиру без спроса. Ты же журналист».

Моей будущей профессией объяснялось большинство моральных доблестей и домашних обязанностей. Впоследствии эти слова пригодились, когда я решил переехать в Петербург. Родители отпустили меня без скандалов и уговоров остаться. Папа пожал руку и поцеловал в щеку. А мама разрешила посмотреть все части «Терминатора» – на всякий случай.

Сейчас мы живем в разных городах. Но я часто летаю в отчий дом и знаю, что там целы практически все мои детские вещи, уцелели книги и комиксы. Мы, как и раньше, садимся и разговариваем. Мама, молодая и красивая женщина, берет меня за руку и, слегка задумавшись, говорит: «Давай присядем на минуточку».

Вот поэтому я твердо знаю: если между людьми есть проблема, всегда нужно сесть и обсудить ее.

Спасибо, мама.

ПАПА ВИТЯ

Филологическое образование, годы общения с разными людьми и часы за чтением книг по психологии не пригодились. Я сгорбился на старом диване и не знал, что сказать на прощание. Рядом лежал отец. Он как раз все понимал, но уже не мог говорить.

Иногда сюжетные повороты жизни кажутся издевкой. Почти тридцать лет отец курил у подъезда, стоя в шлепках на босу ногу даже зимой. Сесть было некуда. В последние недели его жизни под окнами поставили скамейку. Ее сразу заняли лица сомнительной наружности. Одно из них папа в шутку окрестил моим другом. Тот активно прикладывался к бутылке, потерял ногу и ясное сознание, но жил дальше. Зачем? Этого он не знал. Почему, друг, тебе отмерено так много? А кому-то незамедлительно выдают членский билет в клуб «60+»?

Я мало знал отца – косвенно каждый год это подтверждалось сложностью выбора подарка на праздники. Элитный алкоголь, набор для рыбной ловли, нарисованный портрет – догадки пробивались на свет труднее, чем цветок сквозь толщу асфальта. У мамы на мои вопросы всегда был один ответ:

– Да подари ты ему носки и не мучайся!

Даже как-то неловко, что я действительно привез ему носки – с эмблемой хоккейного клуба СКА. И папа носил. Он почему-то полюбил армейцев и болел за них во всех матчах, часто сообщая мне результаты:

– Видел вчера, как ваши победили?

Папа прожил обычную жизнь и мало напоминал героя, но был очень отзывчив и добр к другим, помогал в любых ситуациях. Это качество, как известно, люди ценят куда больше геройства. Я прощал ему ссоры с мамой и лишние стаканчики с друзьями за спортивные газеты, которые он покупал по пути с работы. Тогда мне открылся чудесный мир футбола, в котором я нахожусь до сих пор.

Уже нет отца, как нет и дивана. Но все еще остались сигареты, не разгаданные до конца сканворды, лист бумаги, на котором медленно забывались буквы. И разрядившийся телефон, надолго оставшийся без практики. Еще недавно он храбрился и утверждал, что все хорошо. Что СКА обязательно выиграет. А я божился, что летом мы сходим на рыбалку. Не беда, что из меня рыбак чуть лучше, чем из водки – напиток, утоляющий жажду.

Папа ушел в день Черноморского флота, хотя служил в Северном: в Мурманске и Северодвинске. Нигде он не был так красив, как на фотографиях того времени. Усатый, поджарый, улыбчивый. Неудивительно, что понравился маме. Странно, что первые усы (но вместе с бородой) появились у меня только в 24 года.

Я не знал, что сказать тебе лично, папа, но на бумаге получилось вот так. Жму руку. И помню.

ЦИКЛ «ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР»

ТАКСИ БЕЗ ШАНСОНА

Первые двадцать минут ты едешь в машине со стойким ощущением, что тебя похитили. В горле пересыхает, пульс учащается, голова кружится. Дорога от аэропорта не подает признаков жизни и тянется так лениво, словно в прошлой жизни она была пандой, которую отвлекли от зимней спячки. И велели заняться сексом.

Таксист просит отменить заказ через транспортную службу – полная лавка детей, хочется зарабатывать без процентов, комиссии и смс. Я спешно соглашаюсь, после чего смотрю в окно, в одно большое и серое нечто, размышляя, потребуют ли за меня выкуп. Наверняка злоумышленники прознали, что мои почки в порядке – на черном рынке знают, что делать дальше. На фоне этих невеселых мыслей вдруг заговорил таксист. Настало время очаровательных историй!

«У меня просто такой принцип по жизни: не на**ешь – не проживешь. Я как в молочке работал? Какой-то товар оставлял себе, договаривался с девочками на приемке, им что-то по бартеру привозил. А сейчас платить конторе почти 30%, оно мне надо? Почти вхолостую кататься. Я во время таких поездок прошу чуть добавить к тарифу – многие клиенты отказываются. Хочется их в окно выбросить. Но нельзя», – травит горькую историю жизни водитель.

Я мысленно поднимаю глаза к небу и благодарю всевышнего, что в городе детства остались хоть какие-то приличия. Речь таксиста бьет по нервам сильнее, чем рифмы группы «Ласковый май».

«Раньше у меня была другая машина, представительнее. Точнее, не у меня, а у шефа таксопарка. Он предложил ее выкупить, я кинул договор юристу, тот забраковал. Потом я оттуда уволился. Взял эту за копейки. Видишь, хорошая корейская иномарка. Летает бодро, на дизеле. Как говорится, чем чуханистей, тем жиганистей», – раскошегарился он.

Мое «угу» пронесется по салону как сожаление по временам, когда таксист включал шансон, вечные мелодии со словами про белого лебедя на пруду или кольщика, что колет купола.

«Завтра вот интересно, еду на зону. Знакомая попросила. У нее там мужик четыре года сидит. Через пять выйдет. А она ждет. Прикинь, какая любовь? Хотел спросить, за что он там, да не мое дело. Я говорю по делу, языком лишний раз не чешу. Кстати, о семье расскажу. Слушай», – снова прорвался в мой эфир таксист.

Под прокуренный голос в теплой машине хочется спать, но я старательно моргаю. Вот моя улица, вот он, мой дом. А девушка, в которую влюблен, немного не там.

Останавливаемся.

Молчание – золото, поэтому отсчитываю водителю бумажки. Кладу сверх тарифа сто рублей.

«Спасибо, дружище, хорошего вечера», – радуется не самой дешевой поездке таксист.

Киваю, иду к двери подъезда. Хватаюсь за ручку, а сам думаю.

Почему она его четыре года ждет? Боится, что убьют, если к другому уйдет?

Да нет, надо верить в хорошее.

В любовь.

НАРКОТИЧЕСКИЙ ЧЕК

В начале двухтысячных было модно заниматься журналистикой. А вот о моде многие акулы пера забывали. По крайней мере, в южном провинциальном городе V. Акуленок, мечтающий заплывать в открытый океан профессионализма, невольно брал с них пример.

Представьте: дует сильный ветер. На автобусной остановке гнется от зимнего холода одинокая фигура. Малыши могут учить по ней алфавит: буква С на секунду превращается в Г. Вытянутая в сторону рука не смогла заинтересовать авто. Проезжает мимо.

Смотрите, дети, это буква Ф. Юноша лезет в оба кармана, неестественно выгибая руки. Очевидно, он ищет что-то важное. Потом облегченно вздыхает, нащупав во внутренней подкладке дублировки ключи. Чтобы не поцарапать кожу, они завернуты в прозрачный целлофановый пакет. Юноша перекладывает ключи в левый карман. Так привычнее.

Полночь. Транспорта нет. Светит полная луна. Идеальный момент для оператора. Камера, мотор. Снято, номинация на «Оскар».

К юноше подходит режиссер и просит пройти с ним в небольшое здание неподалеку. Уличные софиты бьют в глаза, а на половине пути освещают погоны на плечах и фуражку.

Стоп, вы точно режиссер?

Невероятно, но факт: юношу ведут в полицейскую будку. Там ему велют снять куртку и старательно ее ощупывают. А потом и юношу. Но нет, эта история не про сексуальные домогательства. Полицейские что-то ищут. Один из них с плохо скрываемым предвкушением разворачивает целлофан. А потом от удивления открывает рот – ключи, серьезно? Где запрещенные вещества? Где украденные деньги?

Телефон тоже осматривают, но интерес к старой модели Siemens без полифонии и ИК-порта быстро угасает. В карманах тоже ничего. Хотя стойте: в одном из них лежит чек. Час назад юноша положил на телефонный счет сто рублей. Но страж порядка этого не знает и на секунду оживает.

– Что там за чек? Наркотический?

В чеке действительно напечатано слово «приход», но, кажется, это единственное, к чему можно придраться. На лицах полицейских повисает выражение тоски и бессилия. Интересное кино про расследование снять не получится.

Юношу с большим неудовольствием отпускают. Только просят больше не класть ключи в целлофановом пакете на виду у прохожих.

– А еще приоденься, – говорит полицейский. – Смотреть противно. И побрей родинку над губой, что ты как не знаю кто.

Юноша прыгает в последний автобус и по пути внимательно себя осматривает. Дублировка висит на нем, как тряпка на швабре. Штаны не имеют размера и цвета. Ботинки поцарапаны об асфальт.

Кажется, пора забыть о вещевых рынках, поставить матери ультиматум и покупать одежду самому.

Интересно, сколько стоят бритвенные станки.

БОКСЕР И «КАШТАНКА»

Составление вопросов не заняло много времени: двадцать минут, из которых пять я провел за набором смс-сообщений, а еще пять – в мыслях о том, какую из девушек пригласить в бар.

Бар вечером, после интервью. У меня беседа с подающим надежды боксером. Ему 13, зовут Миша. Он уже вызывается в сборную России своего возраста. На волгоградской земле, изрядно удобренной костями и кровью, пророс редкий спортивный цветок.

О боксе до встречи я знал немного. На ум сразу пришли откушенное Тайсоном ухо, болезнь Паркинсона у Али и хорошо поставленный удар Эрика Моралеса. Этот мексиканский малыш запомнился мне потому, что весил меньше 60 килограмм, но бил так, словно в перчатке коварно пряталась подкова.

У Миши оказались невредимыми оба уха – вопросы молодой боксер слышал хорошо. Ошибка была в том, что я поверил: он знает больше ста слов.

Миша мямлил, краснел, заикался и старательно направлял взгляд в пол, будто искал там поверженного противника. Он не мог построить связное предложение. Я вытаскивал из него звуки как занозу. Десять заноз – фоторепортаж. Пятнадцать – заметка.

Ситуация достигла кульминации на вопросе, что удастся Мише на ринге лучше всего.

– Ну. Это. Ммм. Это. Тренер. Что удастся?

У наставника язык был подвешен. Поэтому скоро я узнал, что у Миши поставлены удары с обеих рук, а также имеется отличная реакция. Но раз бог дал талант, то отнял все остальное.

– Два слова не можешь связать, ну. Книги надо читать потому что, ну. Начни с «Каштанки», – неожиданно завелся тренер, обращаясь к Мише. – Хотя бы в кратком содержании.

Боксер стеснительно кивал и улыбался. А я уже прокручивал в голове структуру текста. Придумал звонкий заголовок – «Удар, еще удар, всем соперникам кошмар». А в конце материала красовался смелый прогноз: через несколько лет о Мише узнает не только учитель по родной речи, но и весь мир.

Вышло иначе. Через полгода Миша плюнет в подъезде, стоя в компании таких же отморзков от спорта, а проходивший мимо жилец сделает подростку замечание. Удар справа – не воробей, особенно если идет в комбинации. Трое ребят отметелят мужчину так, что его не узнает родная мать. Он сам позже потеряет память и утратит трудоспособность. За нанесение тяжких повреждений Миша получит два года условно, продолжит учиться в колледже олимпийского резерва и выступать за национальную команду, а еще через несколько лет откажется платить в кафе, откроет стрельбу из травматического пистолета, ранит официанта и повара и попытается бежать. Его задержат в соседнем районе, но это уже совсем другая история.

После вердикта суда я звонил в редакцию газеты, где больше не работал, и молитвенно просил убрать свою фамилию горе-прогнозиста под текстом. Заканчивался он примерно так: без сомнения, у Михаила есть все, чтобы стать боксером высокого уровня – выдержка, спокойствие, уверенность. Это наш будущий чемпион. И не беда, что говорит мало – великим это свойственно.

Зря его все-таки не отправили в колонию. Было бы время на «Каштанку», ну.

ПОЛКОВНИК ВАСИН

«Полковник Васин приехал на фронт со своей молодой женой». Гребенщиков написал эти строки в 1987-м, но только спустя 31 год я узнал, что он наврал. Васин не дослужился до полковника (служил ли?), да и женат никогда не был. Возможно, в жизни он любил только четверых людей. И все они были мужчинами. Их звали Пол Маккартни, Джон Леннон, Джордж Харрисон и Ринго Старр.

Колю Васина знали в Петербурге как заядлого меломана узкой направленности. В 1970 году он поздравил Джона Леннона с тридцатилетием, отправив тому телеграмму. И надо же – именно ее прочитал музыкант среди тысяч других. Слова так растрогали старину Джона, что в ответ он послал в Россию пластинку Beatles, да еще и со своим автографом. Скоро

об этой пластинке знал весь Петербург. К Коле Васину выстраивалась очередь длиннее, чем за хлебом или колбасой. Битломаны и прочие любопытные хотели своими глазами увидеть почерк великого мастера.

Пластинка (кроме медийного лоска) мало что изменила в жизни Васина. Несколькими годами ранее он переоборудовал свою квартиру в музей Beatles и назвал ее «Желтой субмариной». Земля вертелась вокруг ливерпульской четверки. Все, что ему было нужно, – любовь. И храм имени Джона Леннона в придачу. Власти даже выделили под строительство землю в устье реки Смоленки. Но масштабная задумка погибла уже на стадии бизнес-плана. Так часто бывает при встречах желания и денег.

Летом прошлого года я видел Васина первый и последний раз в крошечной каморке-музее. Чего там только не было: постеры, фотографии, футболки, картонные фигуры, макет храма. Пластинка, конечно, тоже была – но под стеклом. Громко звучала музыка, и Васин время от времени оживлялся: «Это, господа, играет композиция Nowhere man из альбома Rubber soul. А это Wild honey pie». Раньше он мог слушать группу круглыми сутками, но возраст брал свое и сужал удовольствие до нескольких часов.

Взгляд Коли при этом был совершенно безумен. В глазах горел огонек при любом упоминании Beatles. За пятнадцать минут я узнал о группе больше, чем из нескольких прочитанных книг. Думаю, Коля хотел стать жуком и улететь куда-то в сторону Ливерпуля, борясь по пути с дождевыми каплями и сильным ветром.

В окружении дам, желая немного порисоваться, я задал Васину вопрос, а получил сразу два ответа.

– Коля, как ты относишься к Йоко Оно? Это злой гений Леннона?

– Да нет, Джон ее любил. И сам виноват, что уделял любви больше внимания, чем музыке.

Число посетителей каморки редело. Последняя представительница прекрасного пола покинула помещение. Васин вдруг резко повернулся ко мне и прохрипел:

– Дура она, эта Йоко. Сука. Такого музыканта погубила.

Таким я и запомнил Васина. При дамах не ругался, Леннона боготворил, в храм уже не сильно верил.

Через несколько недель он сбросится с третьего этажа торгового комплекса.

Царствие небесное, Коля.

НЕТ СИГАРЕТ

«Молодой человек, а у вас не будет сигаретки?»

За «молодой», конечно, спасибо. На человека я тоже похож, хоть много работаю и сильно устаю. А вот огонек при себе не храню. Разве что души...

Эта женщина в очках живет в соседнем доме. В любое время года, преимущественно утром, ее можно видеть у первой парадной. Спрашивает все время одно и то же. Люди недоуменно жмут плечами или отрицательно качают головой. Нет сигарет.

Иногда все-таки прохожие проявляют снисходительность и протягивают пачку сигарет. На ней написано страшное, например: «КУРЕНИЕ ВЫЗЫВАЕТ СКЛЕРОЗ». Женщина с удовольствием затягивается. И потом не помнит лиц, имен и ответов.

«Молодой человек, а у вас не будет сигаретки?»

Я отказывал ей больше десяти раз. Но каждое утро слышал один и тот же вопрос. У той же парадной.

Не помогала и игра на опережение. Однажды, почти поравнявшись с ее грузной фигурой, сходу выпалил: не курю! И как думаете, что она сказала следом?

«Молодой человек, а у вас не будет сигаретки?»

Женщина шла напролом, не видя преград. Несколько раз я искренне пытался понять, кем она работает, и почему не купит пачку сама. Может, это такое хобби, или она проиграла кому-то спор? Догадки ушли бы сами собой, задай я вопрос прямо. Но спешка, дела, усталость.

Всегда остается надежда на «когда-нибудь».

Так вот: когда-нибудь я стану рядом и тоже стрельну сигаретку. Мы разговоримся, мотивы и пароли станут известны. Может быть, я даже покажу этот набросок.

«Женщина, у вас ручки не будет? Автограф оставлю».

ЦИКЛ «ЛЮДИ КАК...»

ЛЮДИ КАК НЕЛЮБИМЫЕ РАБОТЫ

Я больше не могу. Трудно выдержать давление времени. У таблички с адресом «Улица Ленина, 55» надо быть в 8.50. Еще десять минут уйдут незаметно, по-английски, не прощаясь. Очередь у турникета. Толпа у лифта. Долгий подъем металлической коробки с остановкой на каждом этаже. Мне нужен девятнадцатый. Пропустите, пожалуйста.

Ключ к двери подходит идеально: я вижу свое рабочее место. На экране ноута заботливо выведена надпись «Протри меня».

Три недели отсутствия. Я в черном. Пора включаться.

Она ждала меня к девяти, попросив надеть пиджак и классические брюки. А к ним – рубашку и галстук.

– Разденешься ты или нет – вопрос открытый, но выглядеть должен красиво.

Никаких растянутых свитеров, помятых кроссовок и футболок с принтами.

Первое время галстук душил шею – словно меня вздернули на виселице. Ношение таких аксессуаров было нелегким испытанием, поэтому она окрестила наши первые месяцы «испытательными». Я и правда старался: звонил людям, просил купить товар, составлял коммерческие письма и рисовал макеты. Словом, трудился специалистом самого широкого профиля.

Мне быстро стало скучно, и я не знал, чем занять свободное время. Она смотрела в глаза, улыбалась и протягивала лист с заранее записанными задачами. Крошка, мы можем просто валяться на этом кожаном диване и смотреть новые сериалы. Там Линч, говорят, запустил настоящую бомбу.

Признаться в скуке я не мог. Но втайне проглядывал по вечерам страницы других девушек в социальных сетях. Ничего личного, просто рассылал истории о последних успехах в личных сообщениях. Откликов почти не было.

Я был на содержании. Она платила раз в месяц, пару недель в год мы ездили за границу. Никаких иллюзий. Она всегда делила время с кем-то еще, и эти люди делали точно такие же задания.

Ближе к концу смены моя шея почувствовала холодное прикосновение ее губ.

– Искал меня?

– Слушай, надо поговорить. Мои предыдущие отношения закончились потому, что просто было скучно. И сейчас скучно. Помнишь, ты говорила, что мы будем только вдвоем? Где это, черт возьми? Когда ты трахнешь меня так, чтобы я запомнил на всю жизнь? Чтобы мне захотелось остаться? Я жду ответа или ухожу. Ответ или я!

Но она засмеялась. И протянула большой список дел. Рутинка. Бег по кругу. Вдох, выдох. Отсюда не вырваться.

ЛЮДИ КАК ПИВНЫЕ БУТЫЛКИ

Мне хотелось ее всю неделю – до пересыхания в горле и дрожи в руках. Но так уж было заведено: все встречи только по пятницам, плавно перетекающим в выходные. В будни общение могло повредить. Обычно на утро от разговоров болела голова, кружась в вальсе с неви-

димым партнером. И мозг в такие минуты немедленно подключал совесть: ну скажи ему, чего он опять увлекся этой барышней. Как там ее зовут? Стелла? Что за манерное имя.

Но нет, она была сильнее меня. И честнее. Ее слова всегда несли правду.

– Если ты растворишься во мне, захочешь тесного общения, то потом будет плохо и затошнит. Ты готов принять эти риски?

Я был готов на все, лишь бы обнять ее, поднять над землей, поднести ко рту. Вкус губ немного горчил: иногда я просил ее зажимать языком дольку лимона или спелую вишенку, и тогда поцелуй приобретал насыщенный и набивающий оскмину оттенок.

Но в эту пятницу все было по-другому. Я понял это не сразу, механически делая все, как и прежде. Соленое море шло ее фигуре и губам, заставляя тело немного дрожать от холода.

«Мы будем здесь день? Или больше? Какой объем у твоей жажды?», – полушутя спросила она на берегу. Я улыбнулся и не стал отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.